

Социопространственное творчество архитектора

История становления понятия «Пространство» в философии, науке, архитектуре. О сути и границах «пространственного подхода» в архитектуре. О возникновении иных подходов, и в первую очередь, «социопространственного подхода».

Ключевые слова: пространство, общественное пространство, социальное пространство, социум, пространственный подход, социопространственный подход, социопространственное творчество.

The history of the concept of «Space» in philosophy, science, architecture. The gist and scope of the «spatial approach» in architecture. On the occurrence of different approaches, and in the first place, «socio-spatial approach».

Keywords: space, public space, social space, society, spatial approach, socio-spatial approach, socio-spatial creativity.

Важность поднимаемой в номере и особенно на его Круглом столе тематики чрезвычайная. Ведь общественное пространство сегодня понимается, прежде всего, как главное пространство формирования и развития социума (его поведения и менталитета, от самой мелкой его единицы до самой крупной: человек, группа, коллектив, общество, цивилизация, человечество). В этом смысле, «общественное пространство» и «социальное пространство» предстают очень близкими понятиями.

Древние философы были, пожалуй, первыми мыслителями, которые обозначили вообще «пространство» как важнейшую проблему. И тем не менее, до сих пор «пространство» остается одной из самых больших загадок природы для Человека (и «маленького» – любого конкретного индивидуума; и «большого» – в смысле Человечества).

В архитектуре история появления понятия «пространство» – совсем короткая. Как специальное понятие, которое в философии используется уже с античных времен (Аристотель, Демокрит, Платон и др.), в архитектуре практически не употреблялось вплоть до Нового Времени. В основном ученые-естественники (Дж. Бруно, Г. Галилей, Р. Декарт и др.) своими исследованиями стали привлекать внимание специалистов разных сфер к проблеме «пространство». И поэтому, в основном в рамках естественно-научной картины мира стали складываться первые концепции пространства, и прежде всего, две из них, наиболее распространившиеся затем в науке и культуре: 1) «Субстанциональная»: пространство это – «неизменность», «неподвижность», нейтральное «поле», «пустота», «вместилище» различных объектов (Демокрит, И. Ньютон, Эпикур и др.); 2) «Реляционная»: пространство это – «изменяемость», «движение», «взаимодействие» различных объектов, то есть – активная составляющая мира, в зависимости от изменения которой меняется и сам мир – (Аристотель, Н. Бор, Г. Лейбниц, Платон, А.Эйнштейн и др.).

Только, главным образом, в **XX веке понятие «пространство»** стало активно входить в архитектуру: в арсенал основных средств и архитекторов-практиков, и архитекторов-педагогов, и архитекторов-теоретиков. Теоретики стали предпринимать попытки рассмотрения этого понятия даже как основополагающего для возможной новой теории архитектуры или архитектурного образования. Известный архитектор-педагог Н.А. Ладовский декларировавший, что на самом деле «не камень, а пространство – материал архитектуры», сильно инициировал становление пространственного подхода в архитектуре. Вскоре на вопрос – «что является главным предметом архитектурного творчества» – стал звучать почти всегда один и тот же ответ – «организация пространства» (А.В. Степанов).

В этом горизонте понимания, пространство нередко стало рассматриваться архитекторами даже своеобразной «лакмусовой бумажкой» возможности включения в арсенал архитектурных средств любой новой информации. Для архитекторов все то, что пространственно является, то и

реально. А поскольку в мире нет ни одной формы реально-сти вне пространственной составляющей, то возможность пространственно явиться – дело лишь времени, а точнее – правильного подбора средств опознания этого свойства у различных явлений. История демонстрирует это положение на многочисленных примерах. Когда в какой-либо сфере знания получают пространственный характер выражения, они тут же входят и в архитектуру. Особенно нагляден в этом смысле факт «перетекания» знаний в архитектуру из наук о природе. Например, когда в 19 веке биологи описали пространственное строение ряда органических соединений, животных, насекомых (классификации К. Линнея, Э. Геккеля и др.), это дало толчок к творческим поискам биоподобных структур в архитектуре, например, в «модерне», «экспрессионизме» (А. Гауди, Ф.О. Шехтель и др.). В связи с этим, в архитектуре возникает даже самостоятельное исследовательское направление – «архитектурная бионика», главная цель которого – пространственно интерпретировать строение природных феноменов и делать эти знания пространственно представленными, и тем самым – доступными широкому кругу архитекторов (Ю.С. Лебедев, О. Фрей и др.).

Сегодня в архитектуре понятие «пространство» – стало уже очевидным средством, а пространственный подход стал почти тривиальностью, по крайней мере – каждодневной обыденностью в работе архитектора. Так, например, в учебной сфере одна из наиболее наглядно представляющих его дисциплин «Объемно-пространственная композиция» (которой, кстати, скоро будет 100 лет), стала не только одной из основных дисциплин, но даже своего рода квинтэссенцией пространственного подхода. Теперь по наличию способов присутствия в архитектурных решениях средств объемно-пространственной композиции и судят о профессионализме этих решений.

Однако, несмотря в целом на позитивные практические результаты в процессе продвижения пространственного подхода в архитектурную практику, в последние годы стала ощущаться, в определенной степени, в теоретическом аспекте исчерпанность пространственного подхода, даже тупиковость его. Архитектурные и архитектурно-педагогические эксперименты с пространством и с его языком (от «индивидуализма» «классики», «эклетики», «модерна» до «универсализма» абстрактных элементов «авангардизма») практически закончились, и что важно – без желаемых результатов. Пространство так и осталось непонятым, особенно в порядке, неизвестно чем обусловленным в своей актуальности.

В значительной мере ощущение тупиковости пространственного подхода обусловлено глобальным цивилизационным парадигмальным кризисом, в частности – переходом цивилизации с «естественно-научной» парадигмы на «гуманитарную»: переходом от ведущих «объектных» ценностей к «субъектным». В связи с этим, параллельно опыту освоения средств пространственного подхода и внутри этого опыта стали зреть и иные, новые подходы, один из которых,

пожалуй лидирующий, это – «социопрограммный» (см. Метленков Н.Ф. Парадигмальность в архитектуре // Архитектура и строительство России, 2011-3, с. 2-13).

Он исходит из понимания, что главным предметом архитектурной деятельности являются не отдельные свойства материально-пространственной среды (в виде «геометрии», «конструкции», «цвета», «текстуры», «фактуры» или других художественных или технических свойств в виде «композиции», «образа», «стиля»), а – «социальное содержание» преобразуемых архитектором пространств, главная функция которых – становление и развитие «социума». Такой подход можно было бы охарактеризовать в сложившейся лексике как «нео-функционализм» или «пост-функционализм», хотя по сути – это «социопрограммный» подход. Главным предметом внимания в социопрограммном подходе предстает динамика социального содержания преобразуемых пространств, непрерывно меняющиеся его параметры: «назначение», «смыслы», «эксплуатационные технологии», «стратегии развития», «проницаемость», «открытость» и др. А в таком случае, уже недостаточно понимать архитектора как специалиста по организации геометрии и материально-конструктивного содержания пространства (В.Ф. Кринский, М.А. Туркус и др.). Его, скорее всего, следует рассматривать как творца социального пространства или в широком смысле – как творца социопрограммного содержания, а точнее, как творца непрерывно меняющегося социопрограммного порядка. Сама же по себе морфология архитектурного пространства, разработке которой в архитектурной науке посвящены сотни работ, без социума – ничего не значит. Да и само архитектурное пространство без социума – бессмысленно. Иначе говоря, социальный контент архитектурных пространств – это всё, так как именно всё зависит от социального наполнения этих пространств, и от его динамики: каково социальное содержание в своей собственной динамике, такова и морфология пространств, его организующих. В этом смысле, социальное пространство можно представить как «кристаллическую решетку» общества или конкретных архитектурных ситуаций, назначение которой – быть своеобразным фильтром, высвечивающим и материализующим социум в его непрерывной динамике.

Из такого понимания назначения архитектора и главного предмета архитектурной деятельности вытекает ряд важных следствий.

Первое следствие, вытекающее в основном из предлагаемого определения главного предмета архитектурной деятельности (динамика социопрограммного содержания) – это переформатирование «цели» деятельности архитектора: теперь она в большей мере предстает как программирование стратегий развития непрерывно меняющегося социопрограммного содержания архитектурных пространств. Так, если прежде социум в основном приспособлялся сложившийся пространственный порядок ситуаций, то теперь он способен создавать его заново или видоизменять полностью. Такой подход обуславливается и современными технико-экономическими возможностями, позволяющими сегодня строить почти в тысячу раз быстрее и многократно масштабнее, чем в древности. Так например, если храм в Карнаке строили порядка тысячи лет, а готические соборы – порядка ста лет, то современные по масштабу объекты (торгово-развлекательные центры, спортивные комплексы и др.) строят за 1-3 года. На этом основании, современную архитектуру можно характеризовать уже не как «застывшую музыку», а как «бурлящий поток» социальных событий и смыслов, проявляющихся в архитектурном, и прежде всего в общественном, пространстве динамически меняющимся его порядком.

Второе следствие, вытекающее в основном из определения главного предмета архитектурной деятельности (динамика социопрограммного содержания) – это смена содержания архитектурной деятельности. Она начинает насыщаться особыми средствами описания и представления меняющегося социального содержания архитектурных пространств и, вследствие этого, начинает приобретать характер более «исследовательской» деятельности, чем как в прошлом – классической «проектной». Архитектурное творчество в этом направлении можно было бы теперь характеризовать не как «Проектное», а как «Исследовательско-Проектное». Вследствие этого, неизбежна и смена имиджа архитектора. При таком понимании главного содержания работы архитектора, его можно рассматривать в большей степени уже не столько «Художником» – творцом художественных шедевров

форм и пространств, сколько: во-первых, «Исследователем»; а во-вторых, профильно-прикладным исследователем – исследователем непрерывно меняющегося «социопрограммного содержания» преобразуемых пространств. В соответствие с этим, современному архитектору следовало бы характеризовать как «Исследователя-Творца» социума во всей его полноте и динамике. Теперь архитектор – это специалист, умеющий, прежде всего, анализировать и прогнозировать социум в его динамике. По сути, архитектор всегда и творит только социум, и в соответствии с этим, его суть и имидж «Социального творца» всегда были, а сегодня они тем более должны быть сродни сути и имиджу общественно-го деятеля, и даже в какой-то мере – политика. Не случайно и Ле Корбюзье, вкладывая в свои слова, конечно, собственный, но очень близкий к этому смысл, характеризовал архитектора прежде всего как «социолога».

Третье следствие, вытекающее в основном из нового определения главного предмета архитектурной деятельности (динамика социопрограммного содержания) – это динамика границ общественного пространства. Границы общественного пространства в архитектуре в последнее столетие стали стремительно расширяться: сначала это было пространство особой социальной активности внутри здания и вокруг него; потом это пространство стало пространством улиц и площадей; а затем, пространство особой социальной активности стало пространством города, региона, страны, а сегодня – это уже и пространство всей планеты Земля. Например, в наше время о любом значимом для архитектуры созидательном акте становится очень быстро известно не только во всех уголках нашей страны, но и во всем мире.

В общих чертах, таковы тенденции, наблюдаемые в процессе развития основных понятий и средств деятельности архитектора: от «пространства» до «социального пространства». Перспектива динамики содержания архитектурной деятельности в этом направлении – это становление принципиально иного характера и архитектурной практики, и статуса архитектора. Не заметить этого или упустить из виду пусть еще и фрагментарные, но уже заметные в архитектурной практике ростки новой социально ориентированной исследовательско-проектной деятельности, значит или потерять, или не приобрести отечественную приоритетность архитектурных новаций в этом направлении и стать неконкурентными, а следовательно, отстать от мировых достижений архитектуры. А меняться должно все: от теории и методологии до технологий архитектурной практики и методик архитектурной педагогики, архитектурно-градостроительное законодательство, образовательные стандарты, учебные программы, образовательная среда и т.д.

Все материалы проведенного Круглого стола, представленные в виде различных точек зрения как отечественных, так и зарубежных исследователей, дают хотя и ограниченный, но все же достаточно широкий разброс представлений об этом объекте и о его динамике в современной архитектуре, о проблематике и направлениях его исследования. Выше представленный мною текст частично вводит читателя в номер, а частично дополняет в определенной мере спектр мнений исследователей еще одной точкой зрения на пространство в архитектуре вообще и на общественное пространство в частности, на динамику средств взаимоотношения с ними, так как сегодняшнее видение архитектурного пространства – это прежде всего многовекторность: множество разнообразных точек зрения и подходов, которые к тому же находятся в непрерывной динамике.

В следующем номере Журнала будут представлены материалы Круглого стола по проблематике «Градостроительство». От решения проблем этой сферы, в основном инфраструктурной по отношению к преобразуемой архитектурной среде, и прежде всего проблем планирования и управления развитием урбанизированных территорий, зависит во многом качество архитектурной среды. Поэтому, социальная значимость поднимаемой проблематики – особая.

Всем читателям Журнала БОЛЬШИХ ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ !

Ваш Николай Федорович